

Вопросы теории

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (философско-правовые аспекты)

Б.В. Ганюшкин*

Еще в древности справедливо отмечалось, что прежде, чем приступать к дискуссии по той или иной проблеме, надо договориться о терминологии. Поэтому для того, чтобы выработать концепцию интеллектуальной свободы, необходимо прежде всего определить, что понимается под "свободой" вообще и под "интеллектуальной свободой" в частности.

Долгое время в нашей науке применялось и казалось незыблемым философское понятие свободы как осознанной необходимости.

Одним из первых свободу как осознанную необходимость определил ещё Спиноза. Затем диалектическое единство и взаимосвязь свободы и необходимости обосновал, правда с идеалистических позиций, Гегель. Впоследствии это определение, соответствующим образом трансформированное и обоснованное с позиций материализма, прочно вошло в марксистско-ленинскую теорию и превратилось в некий не подлежащий сомнению постулат, в общепринятую дефиницию, которой пользовались в своих работах о свободе практически все советские ученые.

В наши дни, когда пересматриваются и даже отбрасываются многие устоявшиеся за десятилетия понятия, догмы и целые теоретические построения, критика не обошла стороной и это определение свободы.

Критически осмысливая определение свободы как осознанной необходимости, целесообразно поставить вопрос: обязательно ли всегда и во всех случаях жестко связывать две эти категории – свободу и необходимость – и выводить одну из другой? По-видимому, представление о том, что степень свободы зависит от полноты осознания необходимости, хотя и отражает соотношение двух указанных

* Профессор кафедры правовых наук Академии пограничных войск, доктор юридических наук.

категорий, вместе с тем не позволяет с достаточной четкостью определить сущность каждой из них, поскольку содержание таких категорий, как свобода и необходимость, не исчерпывается лишь их диалектическим единством и взаимозависимостью. Каждая из этих категорий имеет и свое самостоятельное содержание.

Более того, определение свободы как осознанной необходимости вряд ли можно признать достаточно корректным, поскольку необходимость, пусть даже и осознанная, сама по себе уже предполагает несвободу, зависимость от тех или иных обстоятельств, условий и т.д. И хотя абсолютной свободы не существует, заранее ограничивать свободу в самом ее определении, связывая ее с необходимостью, по-видимому, нецелесообразно, так как при субъективном толковании необходимости это может привести к произвольному ограничению свободы.

Что же такое свобода, как можно определить это понятие?

Отнюдь не претендуя на изложение истины в последней инстанции, полностью отдавая себе отчет в том, что "всякие дефиниции опасны", то есть уязвимы для критики, можно было бы предложить следующее определение понятия "свобода" применительно к общественным отношениям, или, иными словами, понятия "свобода человека". Свобода есть возможность поступать по собственному усмотрению, при условии, что это не нарушает прав и свобод других людей, законов и моральных норм, существующих в обществе, в котором живет данный человек.

При таком подходе понятие "свобода" существенно отличается от трактовки его детерминистами, утверждавшими, что все действия и поступки человека определяются внешними, не зависящими от него обстоятельствами. В своем законченном виде эта концепция ведет к фатализму, обрекает человека на пассивность, на слепое подчинение внешним обстоятельствам, существующим условиям его бытия, отвергает саму возможность изменения этих обстоятельств и условий в результате основанной на свободном волеизъявлении и сознательной деятельности человека.

Вместе с тем предложенное понимание свободы принципиально отлично и от воззрений идеалистов, исходивших из того, что свобода воли, лежащая, с их точки зрения, в основе действий и поступков человека, является ничем не ограниченной и безусловной, полностью индетерминированной.

Указание на то, что человек может поступать по собственному усмотрению, лишь действуя таким образом, чтобы не нарушать прав других людей, как раз и имеет целью подчеркнуть, что свобода не может быть ни абсолютной, ни безграничной, что известное поло-

жение – “жить в обществе и быть свободным от общества нельзя” – вполне справедливо.

Еще Ж. Ж. Руссо утверждал, что свобода каждого кончается там, где начинается свобода другого.

“Права и свободы человека, – подчеркивает известный специалист по вопросам международной защиты прав человека В.А. Карташкин, – нельзя рассматривать как абсолютные и ничем не ограниченные. Человек живет в обществе и действует в рамках определенного коллектива людей. Для нормального же функционирования любого общества нужен определенный порядок... Если бы каждый имел ничем не ограниченные права и свободы, то общество было бы ввергнуто в хаос и анархию”¹.

Не случайно поэтому в статье 29 Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году, записано, что “каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности”, и что при осуществлении прав и свобод человека законом могут быть установлены ограничения, необходимые в целях “обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе”².

Во внутреннем законодательстве Российской Федерации такой подход к правам человека получил закрепление, в частности, в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом России 22 ноября 1991 г., которая в пункте 1 статьи 4 предусматривает, что “осуществление человеком своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц”. Вместе с тем, согласно пункту 2 статьи 4, “запрещается использование прав и свобод для насильственного изменения конституционного строя, разжигания расовой, национальной, классовой, религиозной ненависти, для пропаганды насилия и войны”³.

При этом неизменно подчеркивается, что любые ограничения прав и свобод человека не могут быть произвольными и должны быть установлены законом. Но в таком случае, может быть, не ссылаясь на нормы морали и нравственности, исходить лишь из того, что свобода находит свое выражение в формуле: “Разрешено все, что не запрещено законом”.

Представляется, что это было бы не вполне адекватным содержанию понятия свободы. Во-первых, те или иные ограничения на свободу индивида могут налагаться не только законом, но и нормами общественной морали, нравственности и другими принятыми в данном обществе правилами поведения, которые законодательно не закреплены, но считаются общепризнанными. Так, появление в об-

щественных местах в нетрезвом состоянии может не быть наказуемым по законам того или иного государства, но, несомненно, противоречит нормам морали.

Во-вторых, утверждая, что свобода индивида не является абсолютной и осуществляется в рамках, определяемых законами, нормами морали и нравственности, существующими в обществе, необходимо подчеркнуть, что такие законы или моральные нормы, которые могут предусматривать определенные ограничения, должны быть демократичными, отражать интересы общества и соответствовать им. Указать на это необходимо, так как возможно принятие недемократических, антинародных по своей сути законов, с помощью которых власти затем попытаются обосновать правомерность неоправданных ограничений прав и свобод человека, массовых репрессий и т.д.

Исходя из предложенного определения понятия "свобода", можно сформулировать и понятие "интеллектуальная свобода".

Интеллектуальная свобода – это возможность беспрепятственного развития интеллектуального потенциала и творческих способностей личности, а также полного удовлетворения духовных потребностей каждого индивида на основе обеспечения прав и свобод человека, признанных в современном обществе.

Какие же права и свободы необходимо обеспечить для того, чтобы каждый человек мог реально пользоваться интеллектуальной свободой?

В широком плане для этого требуется соблюдение и осуществление на практике всех прав и свобод человека, признаваемых в современном обществе и закрепленных в нормах международного права в качестве определенного стандарта, ниже которого не должно опускаться национальное законодательство, устанавливающее конкретные права и свободы индивидов.

И дело здесь не только в том, что, как утверждалось еще в древности, "*in favorem libertatis omnia jura clamant*" ("в пользу свободы вызывают все права"). Дело даже не только в том, что в ООН и на различных форумах по правам человека неоднократно подчеркивалось, что "все права человека и основные свободы неделимы и взаимосвязаны" и что "должно уделяться одинаковое внимание и первостепенное значение осуществлению и защите гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, и вследствие этого содействие, уважение, осуществление некоторых прав человека и основных свобод не может служить оправданием отказа в других правах и основных свободах"⁴. На неделимость прав человека, недопустимость противопоставления одних прав и свобод другим указывают практически все советские юристы-международники.

ки: Р.А. Мюллерсон, Ю.А. Решетов, С.В. Черниченко и другие. "... права человека неделимы, — подчеркивает, например, С.В. Черниченко, — составляют единый комплекс (в том смысле, что какое-либо право или свобода либо группа прав и свобод не могут противопоставляться другому праву или свободе либо другой группе прав и свобод)"⁵.

Таким образом, неделимость прав и свобод человека, недопустимость противопоставления одних прав и свобод другим можно считать общепризнанными.

Тем не менее главный довод в пользу утверждения о том, что в широком плане для обеспечения интеллектуальной свободы важны все права и свободы человека в совокупности, заключается в том, что интеллектуальная свобода действительно невозможна, если не соблюдаются те или иные права человека и основные свободы, прежде всего право на жизнь, личную неприкосновенность, равенство всех перед законом, свобода мысли, совести, убеждений и т.д. Даже такое сугубо "экономическое" право человека, как "право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище"⁶, вряд ли кто-либо решится объявить ненужным или излишним для обеспечения интеллектуальной свободы. Все более полное осуществление экономических, социальных и культурных прав необходимо для обеспечения интеллектуальной свободы, которая и сама, в свою очередь, оказывает воздействие на социально-экономическое развитие общества.

Как указывается в Парижской хартии для новой Европы, принятой на встрече глав государств и правительств стран — участниц СБСЕ в ноябре 1990 года, "свободная воля личности, осуществляемая в условиях демократии и защищаемая верховенством закона, составляет необходимую основу для успешного экономического и социального развития"⁷. Более категорично эту мысль высказал еще в 1920 году русский философ Лев Шестов⁸, вынужденный покинуть родину. "Там, где нет свободы, — писал он, — не может быть ни устроенности, ни благосостояния, там вообще не может быть ничего, что ценится людьми на земле"⁹.

Однако при всей взаимосвязанности и неделимости прав человека и основных свобод в целях формирования концепции интеллектуальной свободы, более глубокого уяснения содержания этого понятия, выявления главного, существенного в нем представляется допустимым и с точки зрения методики исследования целесообразным выделить — отнюдь не противопоставляя их другим — те права и свободы, которые в совокупности и обеспечивают интеллектуальную свободу.

Подобные попытки выделить составные элементы свободы неоднократно предпринимались философами и юристами разных стран и разных эпох. Так, например, представитель французского либерализма Бенжамен Констан (1767–1830) под личной свободой понимал прежде всего гражданскую свободу (*liberté civile*), обеспечивающую личности определенную степень независимости от государственной власти. По мнению Б. Констана, личная свобода означает неприкосновенность личности, то есть свободу от произвольного ареста, право высказывать свое мнение, выбирать себе любой промысел и свободно заниматься им, право распоряжаться своей собственностью и даже, как считал он, злоупотреблять ею, право свободно передвигаться, не спрашивая разрешения и не отдавая никому отчета в мотивах изменения местожительства, право проведения собраний, право свободного отправления культа и, наконец, право воздействовать на государственные дела путем избрания всех или хотя бы некоторых должностных лиц или путем подачи петиций¹⁰.

Если исключить упоминаемое Б. Констаном право "злоупотреблять" собственностью, которое было бы неправильно признавать в качестве одного из составных элементов свободы, поскольку такое злоупотребление собственностью чревато нарушением прав и свобод других людей и может, в случае крайних проявлений, оказаться опасным для общества в целом, большинство других указанных им прав и свобод – если не все – вполне можно рассматривать как характерные признаки интеллектуальной свободы.

В современных условиях допустимость подобного выделения той или иной группы прав человека и основных свобод подтверждается существованием двух Международных пактов о правах человека: о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах¹¹, не говоря уже о принятии отдельных соглашений и конвенций о правах женщин, о правах ребенка, о статусе беженцев, апатридов и т.д. В широком смысле слова все права, предусмотренные в них, входят в общее понятие прав и основных свобод человека, но в целях более полного раскрытия различных сторон этого понятия государства сочли возможным и необходимым заключить по этим вопросам отдельные документы.

В теории международного права существует также деление прав и свобод человека на права первого, второго и третьего поколений. "Многие ученые, – пишет об этом В.А. Карташкин, – подразделяют права человека на три поколения. К первому поколению они относят гражданские и политические права, ко второму поколению – социально-экономические, а к третьему поколению – так называемые "коллективные" или "солидарные" права (право на развитие, право на защиту окружающей среды и другие).

Некоторые западные ученые к третьему поколению относят эклектическую смесь таких "новых" прав, как право на сон, право на изменение пола и т.д.¹².

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, насколько правомерно говорить о разных поколениях прав человека или включать в них указанные "новые" права, саму попытку подобной классификации можно рассматривать как подтверждение допустимости выделения той или иной группы прав и свобод человека в целях их более полного исследования¹³.

Исходя из этого, можно попытаться выделить права и основные свободы человека, составляющие суть интеллектуальной свободы. Прежде всего к ним, очевидно, следует отнести такие гражданские и политические права, как право на свободу мысли, совести, убеждений; право беспрепятственно придерживаться своих мнений и право на свободное выражение своего мнения, включая свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору; право на мирные собрания и на свободу ассоциации с другими, включая право на создание творческих союзов и других общественных организаций; право без какой-либо дискриминации участвовать в ведении государственных дел; право на пользование культурой; право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее, свободное передвижение и выбор местожительства; право на свободу и личную неприкосновенность, свободу от произвольного или незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь, от незаконных или произвольных посягательств на неприкосновенность жилища или на тайну корреспонденции, на честь и репутацию человека; право на равенство всех перед законом и равную для всех защиту закона.

Разумеется, эти права, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах, нельзя рассматривать как исчерпывающие все содержание понятия интеллектуальной свободы. Другие международные соглашения или внутреннее законодательство различных государств могут содержать иные, не менее важные для ее обеспечения права.

Так, согласно статье 29(1) уже упоминавшейся Декларации прав и свобод человека и гражданина, "свобода художественного, научного и технического творчества, исследований и преподавания, а также интеллектуальная собственность охраняются законом".

Даже если подобные положения не включены в международные соглашения по правам человека, ничто не мешает закреплению их в национальном законодательстве, которое, как представляется,

может идти дальше минимальных стандартов, определенных международным правом. Поэтому их включение в Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую в Российской Федерации, вполне правомерно, а содержание указанных положений содействует более полному раскрытию понятия "интеллектуальная свобода", расширяет круг гражданских и политических прав, необходимых для обеспечения интеллектуальной свободы.

Ряд экономических, социальных и культурных прав также имеет непосредственное отношение к обеспечению интеллектуальной свободы. Это, например, равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами, право на труд, справедливые и благоприятные условия труда, право на образование, на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и их практического применения, а также на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых является данный человек¹⁴, свобода, необходимая для научных исследований и творческой деятельности.

С интеллектуальной свободой несовместимы любые формы расовой дискриминации, а также любая дискриминация по причинам цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения, места жительства или иных обстоятельств.

Особое значение для обеспечения интеллектуальной свободы представителей национальных меньшинств имеют нормы международного и национального права, направленные на защиту прав этих меньшинств, в частности закрепляющие их право на пользование родным языком, обучение на родном языке, сохранение и развитие национальной культуры и самобытности, сохранение национальных обычаев, традиций и обрядов.

Все эти права и свободы, круг которых, несомненно, может быть расширен, в совокупности и составляют понятие интеллектуальной свободы, которой должен пользоваться каждый человек.

Вместе с тем разработка общей концепции интеллектуальной свободы не только не исключает, но и предполагает возможность ее конкретизации применительно к той или иной области интеллектуальной деятельности.

Примером такого рода конкретных разработок может служить инициативный проект закона об основах политики развития науки и техники, авторы которого попытались определить специфические права и свободы, обеспечивающие независимость исследователя¹⁵.

В этом проекте предусматривается следующее:

"1. Исследователь свободен в выборе направления, темы и методов исследования и руководствуется своим научным интересом и требованиями гуманизации науки, включая характер и назначение ее достижений.

2. Каждый исследователь, независимо от администрации, с которой он находится в служебных отношениях, имеет право на финансирование заявленных им в порядке конкурса работ и проектов, предоставляемое ему государственными, общественными или иными фондами в виде субсидий (гранта).

3. Исследователь имеет право на признание его авторства на полученные научные или технические результаты, а также право на распоряжение ими в случаях, предусмотренных Законом об изобретениях и другими законами, касающимися интеллектуальной собственности.

4. Государство содействует свободной и своевременной публикации результатов исследования в стране и за рубежом, всемерно способствует открытым и свободным контактам исследователя с международным сообществом.

Исследователь имеет право выбирать место своей работы в любой стране мира на срок, определяемый им самим, исходя из своих научных интересов.

5. - Исследователи могут свободно и самостоятельно объединяться в коллективы, ассоциации, союзы и другие добровольные научные объединения, создавать независимые неприбыльные или ориентированные на коммерческий эффект организации (фирмы, предприятия, акционерные компании, корпорации) в любой форме, не запрещенной законом".

Естественно, приведенный перечень прав исследователя не является исчерпывающим.

Возможна разработка подобных законов для писателей, театральных деятелей, профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, учителей, художников, композиторов и других лиц, с тем чтобы особенности пользования ими интеллектуальной свободой были учтены в таких законах. И хотя в настоящее время специфика деятельности многих из них уже отражена в уставах существующих творческих союзов (писателей, композиторов, кинематографистов и т.п.), законодательное закрепление этой специфики представляется отнюдь нелишним. Тем более, что в них, как и в приведенном выше проекте закона, могут быть урегулированы те или иные отношения между личностью и государством в процессе пользования интеллектуальной свободой в какой-то конкретной области.

Впрочем, этот вопрос представляет интерес и в более широкой постановке – как проблема соотношения прав личности и государственной власти вообще.

При рассмотрении этого вопроса надо, по-видимому, отказаться от высказываемой иногда крайней точки зрения о полной независимости личности от государства как идеального выражения свободы человека. Она просто не отвечает реальности, поскольку личность в своем поведении не может быть полностью независимой от государственной власти, от ее законов, постановлений и предписаний. Однако можно и необходимо обеспечить известную автономию личности от государства.

”Для общества необходимо, – справедливо указывает Б.Н. Топорнин, – чтобы человек развивался в условиях реальной свободы, автономии от государства. Нельзя не согласиться с выводом, согласно которому свобода – органическая среда обитания личности...”¹⁶.

Во всяком случае, права и свободы человека, и прежде всего те, которые составляют суть интеллектуальной свободы, должны считаться естественными, прирожденными, неотъемлемыми правами, и их конституционное или иное законодательное закрепление означает лишь признание их таковыми со стороны государства. При этом важно подчеркнуть, что ”права и свободы не даруются государством, за это не следует благодарить. Все права изначально принадлежат человеку, и государство лишь обязано гарантировать их соблюдение”¹⁷.

В течение длительного времени, во всяком случае в нашей стране, вопросы прав и свобод человека, конкретные меры по их обеспечению и защите считались внутренним делом государства, а вмешательство других государств, мирового сообщества в такие дела рассматривалось как противоправное и недопустимое, как нарушение принципов международного права.

Сегодня все более широко признается необходимость принципиально нового подхода к правам человека. Поэтому вполне справедливо мнение председателя Комитета по правам человека Верховного Совета Российской Федерации С. Ковалева, считающего, что ”давно пора забыть все ненужные слова о принципе невмешательства во внутренние дела. Когда речь идет о правах человека, нужно вмешиваться”¹⁸.

Такая точка зрения нашла отражение и в Документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, в котором подчеркивается, что ”вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона, носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод составляет одну из основ международного порядка... и не относятся

к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства”¹⁹.

Для того, чтобы выполнить свои международные обязательства, гарантировать соблюдение прав и основных свобод человека, государство закрепляет их в конституции или отдельном акте, принимает необходимые законы. При этом в правовом государстве закон – выше власти, право – выше политики.

Разумеется, законы должны приниматься демократическим путем, быть демократичными и по своему содержанию. Вместе с тем законы должны быть стабильными и повсеместно строго исполняться, иначе невозможно не только обеспечение прав и свобод человека, но вообще никакое нормальное развитие общества, экономики и т.д. Как справедливо заметил Э. Бернштейн (1850–1932), ”везде, где нет упорядоченных правовых отношений, где господствует неуверенность в области права, где сегодня не знают, какие законы будут завтра, там наступает разорение”²⁰.

Таким образом, личность имеет право на пользование определенными естественными и неотчуждаемыми правами и свободами, а государство обязано признавать их и путем принятия демократических законов и иными средствами обеспечивать соблюдение этих прав и свобод. Это положение, как представляется, должно быть главным и определяющим в отношениях между личностью и государством.

В настоящее время это положение, имеющее прямое и непосредственное отношение к формированию концепции интеллектуальной свободы, получило закрепление в российской Декларации прав и свобод человека и гражданина. Как указывается в преамбуле декларации, она утверждает ”права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства”.

Принципиальное значение для решения вопроса о соотношении прав личности и государственной власти имеет положение статьи 1 декларации: ”Права и свободы человека принадлежат ему от рождения”. Следовательно, эти права и свободы являются естественными и неотчуждаемыми²¹. Государство же обязано обеспечивать их соблюдение и защищать каждого человека от нарушения присущих ему прав и свобод.

Это важнейшее положение должно иметь приоритетное значение в законодательной и правоохранительной деятельности государства, и все противоречащие ему законодательные акты должны быть отменены или соответствующим образом изменены.

Так, с понятием свободы вообще и интеллектуальной свободы в частности несовместимо использование в законодательстве положений, подобных формулировкам ныне утратившей силу Конституции

СССР 1977 года, согласно статье 50 которой свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций гарантировалась не безусловно, как это должно быть, а лишь "в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя". То же самое следует сказать и о статьях 47 и 51 Конституции бывшего СССР, где свобода научного, технического и художественного творчества, а также право объединяться в общественные организации предоставлялись гражданам "в соответствии с целями коммунистического строительства".

И дело здесь не только в том, что ныне у нас уже не идет речь о "развитии социалистического строя" или о "коммунистическом строительстве". Дело, в принципе, в том, что, как справедливо отметил Р.А. Мюллерсон, права и свободы должны гарантироваться всем людям, независимо от их приверженности к тому или иному общественному строю, их политических убеждений или принадлежности к какой-либо партии или иной общественной организации²². На недопустимость подобных "условий" пользования правами и свободами указывал, исследуя конституцию Гондураса, в которой такие условия касаются свободы совести, ассоциаций и других прав человека, профессор политических наук Орегонского университета США Глен С. Дили.

Очевидно, что в конституциях и других законодательных актах следует избегать каких-либо "привязок" прав и свобод человека к существующему общественному строю, а там, где они еще сохранились, их необходимо исключить. Следует также устранить противоречия между принятыми актами РФ и еще не отмененными законами бывшего СССР²³, а также отдельными принятыми ранее российскими законами, не отвечающими современному уровню развития демократии. В этих целях было бы целесообразно принять специальное постановление Верховного Совета Российской Федерации о том, что все законодательные и иные нормативные акты в части, противоречащей Декларации прав и свобод человека и гражданина, объявляются недействительными и подлежат отмене²⁴. Это дало бы возможность не только устранить все и всякие расхождения с декларацией, выявленные в том или ином законе, но и не допускать подобных расхождений впредь.

Тем самым Российская Федерация существенно продвинулась бы вперед по пути выполнения лежащей на ней как на участнице СБСЕ обязанности привести свое национальное законодательство в соответствие с международными стандартами в области прав и основных свобод человека, подтвержденной в Итоговом документе Венской встречи руководителей государств Европы, США и Канады, принятом 15 января 1989 г.

Принимаемые государством во исполнение своих международных обязательств и собственного законодательства меры по обеспечению интеллектуальной свободы могут дополняться соответствующими действиями и инициативами общественных организаций и объединений граждан.

Так, в феврале 1991 года Союз кинематографистов страны на своем пленуме принял специальную резолюцию о защите свободы слова и создании в этих целях Фонда защиты гласности, который вскоре был официально зарегистрирован. Целями фонда являются: материальная и юридическая поддержка журналистов, документалистов, работников телевидения, на которых оказывается давление; помощь семьям уволенных или погибших работников средств массовой информации; поддержка независимых изданий, новых телестудий и т.п. Его основное назначение – способствовать свободе слова, независимости средств массовой информации²⁵. В Союзе журналистов создан Комитет по защите свободы слова и прав журналистов, преследующий аналогичные цели²⁶.

Определенные права и обязанности, связанные с интеллектуальной свободой, имеет и общество в целом. К числу его обязанностей можно отнести, например, обязанность создавать благоприятную общественную атмосферу для развития творческих способностей личности и удовлетворения духовных потребностей каждого члена общества; оказывать моральную поддержку и поощрять творческий поиск, научные открытия и изобретения; воспитывать художественный вкус, терпимость к различным формам проявления творчества, к мнениям и убеждениям, не совпадающим с традиционными; содействовать привитию культуры научных и творческих дискуссий и т.д.

Общество вправе всеми доступными ему средствами бороться как против нарушения интеллектуальной свободы, ее неоправданных ограничений, так и против злоупотреблений этой свободой, которые хотя и не преследуются по закону, но несовместимы с признаваемыми в данном обществе моральными, нравственными, духовными ценностями и этикой поведения.

Если при этом усилия общества по обеспечению интеллектуальной свободы и защите от злоупотребления ею совпадают с соответствующей деятельностью государства и его органов и дополняют ее, то это свидетельствует о подлинно демократическом характере общественного развития. Если же интересы общества и государства в этой области расходятся или даже противоречат друг другу, то это может означать лишь то, что уровень развития демократии в данном государстве еще недостаточен.

В заключение следует подчеркнуть, что предложенная в статье концепция интеллектуальной свободы не будет целостной, если не указать, что такая свобода не только предполагает пользование индивида соответствующими правами, но и налагает на него определенные обязанности. Это было отмечено еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 года.

Более подробно вопрос о возможности таких ограничений, их характере и пределах излагается в ряде статей Международного пакта о гражданских и политических правах. Так, пункт 3 статьи 12 этого пакта, закрепляющей право на свободное передвижение в пределах территории государства, свободу выбора местожительства, право покидать любую страну, включая свою собственную²⁷, предусматривает, что эти права "не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимы с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами"²⁸.

Возможность аналогичных ограничений свободы совести и убеждений предусмотрена пунктом 3 статьи 18 пакта. Право на свободное выражение своего мнения, предусмотренное в статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, также может быть ограничено, поскольку, как сказано в пункте 3 этой статьи, оно "налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения". На тех же основаниях допускается ограничение права на мирные собрания, предусмотренного статьей 21, и права "на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов", закрепленного в статье 22.

Как видно из этих статей, ограничения допускаются лишь в отношении некоторых прав и свобод в случаях, если они установлены законом и необходимы для защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Что же касается Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, то в нем предусматриваются "только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе" (ст. 4).

Говоря о возможности указанных ограничений, следует подчеркнуть, что государства не вправе выходить за рамки, определенные для введения подобных ограничений в Международных пактах о правах человека²⁹. Любые такие ограничения не могут быть произвольными: они должны быть установлены законом, а причины, побудившие государство установить их, — подлинными, а не мнимыми. Представляется, что в демократическом государстве любые из допустимых ограничений прав и свобод человека могут вводиться лишь в виде редчайших исключений из общего широкого признания за личностью прав человека и основных свобод.

Таковы те принципиальные положения, которые, по нашему мнению, могут быть положены в основу концепции интеллектуальной свободы.

¹ Карташкин В.А. Международная защита прав человека. — М., 1976. — С. 92.

² Как будет показано ниже, возможность законодательного ограничения определенных прав и свобод предусматривается и в Международных пактах о правах человека.

³ Здесь и далее Декларация прав и свобод человека и гражданина цит. по: *Российская газета*. — 1991. — 25 дек.

⁴ Декларация о праве на развитие. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 41/128 от 4 декабря 1986 г. На неделимость и взаимную связь прав человека и основных свобод указывается и во многих других документах.

⁵ Черныченко С.В. Борьба с нарушениями прав человека и международные процедуры // Сов. государство и право. — 1980. — № 1. — С. 92.

⁶ Статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

⁷ *Правда*. — 1990. — 22 нояб.

⁸ Его настоящее имя — Лев Исаакович Шварцман.

⁹ Цит. по: *Новое время*. — 1991. — № 35. — С. 43.

¹⁰ См. *История политических учений*. — М., 1955. — С. 369–370.

¹¹ Правда, первоначально предполагалось принять один пакт, который охватывал бы все права и свободы человека, но в дальнейшем было решено разрабатывать два международных пакта. Каковы бы ни были причины такого решения, существование двух пактов о правах человека может служить подтверждением возможности выделения той или иной группы прав и свобод человека, объединенных внутренней общностью, при условии, что любая такая группа прав и свобод не противопоставляется другим правам и свободам и не служит целям умаления их значения.

¹² Карташкин В.А. Всеобщая декларация и права человека в современном мире (К 40-й годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека) // Сов. ежегодник международного права. 1988. — М., 1989. — С. 43–44.

¹³ В государственном праве тоже существует деление прав и свобод человека на политические, социально-экономические и личные. См. **Топорнин Б.Н.** Декларация прав человека: новые подходы // *Права человека: проблемы и перспективы.* — М., 1990. — С. 24.

¹⁴ Особую проблему, заслуживающую специального рассмотрения, составляет защита интеллектуальной собственности, являющаяся объектом регулирования ряда международных соглашений и национального законодательства государств.

¹⁵ Текст инициативного проекта см. **Сов. государство и право.** — 1991. — № 7. — С. 73–74.

¹⁶ **Топорнин Б.Н.** Указ. соч. — С. 18.

¹⁷ **Млечин Л.** Цветы для третьей корзины // *Новое время.* — 1989. — № 24. — С. 15.

¹⁸ **Ковалев С.** Союз требовал контроля, но Запад ему отказал // *Новое время.* — 1991. — № 40. — С. 19.

¹⁹ **Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ** // *Сов. журнал международного права.* — 1991. — № 3–4. — С. 117.

²⁰ Цит. по: **Новое время.** — 1991. — № 29. — С. 43. Это написано давно, но, как будто заглядывая в наш сегодняшний день, Э. Бернштейн добавил еще одну фразу: "И, к сожалению, такую картину видим мы и в России".

²¹ Отмечая это, следует сказать, что указанное положение можно считать новеллой нашего законодательства, поскольку ранее естественные, неотъемлемые права человека и даже ссылки на такие права отсутствовали. В других государствах естественный характер прав человека признан уже давно. Так, при обсуждении американского Билля о правах профессор Луис Хенкин из Школы права университета штата Колумбия специально подчеркнул, что в США деятельность правительства "ограничена естественными и неотъемлемыми правами человека" (см. *American Society of International Law. Proceedings of the 70-th Annual Meeting.* — Washington, 1976. — P. 89).

²² См. **Сов. государство и право.** — 1991. — № 2. — С. 39.

²³ В постановлении Верховного Совета РСФСР "О ратификации Соглашения о создании Содружества независимых государств" № 2014-1, принятом 12 декабря 1991 г., указывается, что "на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению".

²⁴ Эта мысль уже заложена в постановлении Верховного Совета Российской Федерации о принятии Декларации, в котором ряду комитетов Верховного Совета дано поручение "подготовить предложения по приведению законодательства РСФСР в соответствие с положениями настоящей Декларации". Однако на это потребуются время, и немалое. А специальное постановление, о котором идет речь, сразу решило бы эту проблему.

²⁵ **Известия.** — 1991. — 10 июня.

²⁶ **Там же.**

²⁷ Пункт 4 статьи 12 предусматривает также, что "никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну".

²⁸ **Международное право в документах.** — М., 1982. — С. 322.

²⁹ См. **Баранченков С.М.** Правовое содержание принципа наибольшего благоприятствования индивиду // *Сов. журнал международного права.* — 1991. — № 1. — С. 115–118.